

ВСЕГДА НА «ПОСТУ»

К юбилею Александра Лейфера

Новосибирск без Омска, как Москва без Петербурга — друг без друга непредставимы эти две столицы большого ЗапСибкрая. Омск старше, историчнее, мудрее, там были Н. Ядринцев и Г. Потанин, А. Сорокин и А. Новоселов, Г. Вяткин и Ф. Березовский, Л. Мартынов и П. Васильев, без которых наших «Сибирских огней» точно не было бы. По крайней мере, таких, какими мы их знаем.

Есть у этого чудного города на Иртыше и Александр Лейфер — литератор в том смысле этого благородного слова, который предполагает профессию и состояние души, долг и призвание, служение. Все то, что когда-то так потрясло его в знаменитом омиче Петре Драверте — человеке-университете, сибирском Ломоносове начала XX века. А. Лейферу достаточно было увидеть «Библиотеку П. Драверта» в омской «Пушкинке», ее невероятное разнообразие книг — от философии до математики и палеонтологии, чтобы появилась сначала папка с материалами, а затем книга о владельце этой библиотеки, о «загадочной фигуре» сибирской науки. И словесности тоже, ибо П. Драверт имел редкий дар сочетать в себе ученого и поэта, науку и литературу, настоящую, вдохновенную.

И вряд ли молодой журналист-газетчик, десять лет отдавший своей первой книге, стал бы писать о человеке, чуждом ему по духу. Этот «дух» П. Драверта, считавшего, что «писатели недалекого будущего обязательно должны пройти через горнило естественных наук», с тех пор и сопровождает А. Лейфера. Написанная двадцать семь лет спустя книга об А. Горбане — ученом широкого физико-математического профиля, прошед-

шем путь от «диссидента» (в пятнадцать лет выступил с политическими лозунгами и был отрешен от науки) до крупного специалиста, работающего на стыке наук («нейроинформатика», «игротехника», «математическая теория эволюции»), человеку, который «талантливее Ландау», подтверждает это. «Разгадать замысел Бога...» — это ведь не только название книги о нем 2006 г., но и кредо и ученого, и писателя, и любого настоящего творческого человека. Как и название книги о П. Драверте — «Сибири не изменю!», столь же знаковое для А. Лейфера, человека и писателя твердых правил, сдержанного, не празднословного, знающего цену словам. Поэтому, наверное, его книги так невелики по объему, не достигают и трехсот страниц. И еще потому, что с того 1979 г., с «дравертовской» еще книги, у него выработалось кредо писателя, работающего в документальном жанре и утвержденное в книге «горбаневской»: «Мне как литератору всегда кажется, что живой документ или чье-то меткое наблюдение ярче высветят описываемые события, чем его пересказ или авторские рассуждения по этому поводу».

Не зря даже такая сравнительно цельная книга, как «Разгадать замысел...», названа «повестью-мозаикой», а другая — о поэте Вильяме Озолине «Мой Вильям» — «эпизодами литературной жизни». Это, пожалуй, самая известная и душевная книга А. Лейфера, печатавшаяся в начале 2000-х гг. и в «Сибирских огнях», самая «недокументальная», хотя процентов на восемьдесят состоит из писем, газетных статей, дневниковых записей. Просто потому, что она о поэте «чистом», без той «ученой» ипостаси, кото-

*«Сибирские огни»,
№ 12, 2013 г.*

рая так важна для А. Лейфера-документалиста. «Энциклопедизм» здесь другого рода, смысла и качества — человеческого, насколько человеческими, т. е. братскими, кровными, могут быть отношения между писателями.

В. Озолин сделал, казалось, невозможное, сдружив писателей от Омска до Читы, сблизив их творчески и лично до степени неформального союза. Или, как пишет А. Лейфер, со слов одного из таких «братьев», Р. Добровенского, до «необъявленного содружества литераторов-сибиряков», из которого В. Озолин сделал «культ, легенду». Р. Солнцев и Р. Филиппов, М. Сергеев и Н. Самохин, А. Кобенков и М. Вишняков, Е. Раппопорт и И. Фояков, М. Малиновский и Г. Граубин... Для В. Озолина и «содружества» они попросту Рома, Слава, Коля, Толя, Женя... В начале 70-х и А. Лейфер стал Сашей, расширил, благодаря «моряку и поэту» В. Озолину, свои «литературные знакомства и в географическом (Новосибирск, Красноярск, Иркутск), и — что, разумеется, главное — в человеческом смысле», — пишет он в «Моем Вильяме».

Обаянию этого непоседливого и жизнерадостного человека с большими глазами и талантом, одна из первых книг которого называлась «Песня для матросской гитары» (1972), трудно было не поддаваться. Потому что В. Озолин был, может быть, самым ярким и «типичным» «шестидесятником» в Сибири, в биографии которого были и расстрелянный в 30-е гг. отец, и клеймо «сына репрессированного», и романтические профессии матроса на речном, а затем океанском судне, и журналиста на Ямале, и экспедиции в Горную Шорию и на Памир, и даже «украденная невеста» (увел жену у комсомольского ответработника), не говоря уже об учебе в Литинституте, работе на Омском ТВ и резком неприятии всего «совкового», замшелого. Главное же, что он был поэтом: для 60-х — основная «профессия», даже если формально ты не поэт. В. Озолин был тем, в ком «личность» была неотделима от его стихов, а сам он — «сплошная эмоция, сплошной темперамент», — писал в предисловии к первой книге поэта «сам» И. Сельвинский. К стати, обложка этого первого сборника стихов В. Озолина 1966 г. «Окно на Север» со стопроцентной точностью повторяется в обложке книги А. Лейфера «Мой Вильям», второе издание которой включает в себя приличную подборку стихов поэта. Не устоял

писатель-документалист перед лирическим напором своего рано ушедшего друга, взывавшего к своим братьям: «Звоните “нольтри”! / Я примчусь, я приеду — / Звоните! / На сборы мне только секунды нужны».

Это «шестидесятничество», может быть, не столь горячее, видно и у А. Лейфера. И если В. Озолин терзался «двумя натурами-дурами», стремившимися как-то «поделить» его «Я», т. к. «одна — из огня, / А другая — как лед, холодна!», то А. Лейферу, «шестидесятнику позднему», их удалось примирить. Иначе не воплотилась бы в книгу такая значимая для него тема, как омский Ф. Достоевский. Не зря В. Озолин еще в 1981 г. шуточно приветствовал своего друга в письме: «Сашка, бармалей музейный!» Ибо книга эта, 1996-го года, «музейная» настолько же, насколько и личная, о личном отношении к классику, на пять лет оказавшемуся омичом. И называется она соответственно: «Вокруг Достоевского», с той же композицией «мозаики» «живых документов», которая наилучшим образом скажет об их герое, а также и о самом «собирателе мозаики», мечтающем о невозможном. Например, найти иллюстрации М. Знаменского к «Запискам из Мертвого дома» («Надо искать!» — заключает он эту главу о художнике XIX в.) или вернуть автограф «Записок...», увезенный в Америку сомнительным достоевсковедом. И больше всего ценит А. Лейфер письма — как самые «живые» свидетельства и характеристики героев своих книг, будь то П. Драверт, В. Озолин или Ф. Достоевский. Одно из них — письмо Достоевского Кагкову (11.01.1858 г.) о том, что «роман мой я задумал (еще) на досуге, во время пребывания моего в Омске» — комментируется кратко-восклицательно: «На досуге!».

Из таких вот сдержанно-лаконичных и точных комментариев-откликов на события и явления текущие и минувшие, на книжные новинки, из «штрихов к портретам» людей близких и дальних, известных широко и не очень, и родилась потом книга «Блог-пост, или Кровь событий» (2012), которую можно назвать самой «лейферовской». Писатель здесь не скован обязанностью писать об одном человеке, пусть и «вокруг» него. Тут он волен сам выбирать темы, дозировать факты и комментарии. Этот, по сути, дневник, который в компьютерной субкультуре принято называть «блогом», А. Лейферу пришелся весьма по нраву за «постоянную воз-

можность свободно, без всякой оглядки на цензуру и начальство, высказываться», — признается он. Книга хорошо читается еще и потому, что она автобиографична. Она — «вокруг Лейфера», написанная самим Лейфером, и, вслед за вступительным автобиографическим очерком, здесь о ее главном герое говорят и 17-я омская школа, где он учился, и Т. Белозеров с И. Токаревым, которых знал лично и книжно, и просталинская книга «200 мифов о Сталине» с последующей антисталинской отповедью при помощи школьных сочинений, и писательская, почти «озолинская» по своей эмоциональности, книга актера Н. Чиндяйкина.

Название этого «поста», т. е. главки о книге Н. Чиндяйкина повторяет второе заглавие книги А. Лейфера — «Кровь событий». И является ключевым для него — журналиста, писателя, документалиста, человекаведа. Тот, кто умеет остановить, запечатлеть «нечто неостановимое — само Время», написать книгу, где «запеклась кровь событий», является для А. Лейфера настоящим писателем. Это же полюбившееся ему выражение А. Герцена можно увидеть и в книге «Сибирь не изменю!», и в названии одной из главок «Вокруг Достоевского», где оно относится к письмам — как помогающим лучше других документов «понять суть человеческих взаимоотношений, заглянуть в давно прошедшее», письмам — как самому «интимному» документальному жанру. А. Лейфер тут «кровожаден» в самом лучшем, необходимом смысле этого слова, зато мало найдется собратьев-сочинителей, кого нельзя было бы уличить в литературщине — худшем из видов бескровия в литературе.

Не назовешь А. Лейфера и чистым «краеведом», хотя Омск для него не просто постоянная, неизбежная тема его книг и статей, а подлинная святыня (слово, пожалуй, не из лексикона А. Лейфера). Он из писателей *провинциальных* — а этого слова он совершенно не стесняется, — которые только благодаря провинции и приобретают точку зрения, точку опоры, способную обеспечить незамутненный взгляд на остальной мир. Дать, в конце концов, мировоззрение, ибо главные гении и их произведения родились отнюдь не в столицах, а где-нибудь подальше от них. Пятьдесят лет профессиональной работы в печати, отмеченные в прошлом году, и нынешний юбилей дают Александру Эрахмиловичу право об этом говорить. В конечном итоге он просто исполняет завет героя своей первой книги: «Решил работать лишь в провинции, находя, что нехорошо лишать благодарного читателя слова, к которому он привык».

Спустя почти сто лет и А. Лейфер мог бы повторить эти слова П. Драверта. К слову автора «Моего Вильяма» и «Блог-поста» мы уже, действительно, привыкли. Как привыкли и к редактируемой им «Складчине», продолжающей благое дело «содружества литераторов-сибиряков», так точно выразившегося в удачном названии этого альманаха, в котором нет деления на СРП и СПР (Союз российских писателей и Союз писателей России). Желаем нашему коллеге и давнему автору «Сибирских огней» и дальше быть на «посту» — на работе документальной и публицистической, «бумажной» и виртуальной. Ее в нашей литературе по-прежнему много. Как и семьдесят лет назад.

